

ХРОНИКА

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.6.322.328>**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ ИЛЬИ НИКОЛАЕВИЧА
БОРОЗДИНА В КРЫМУ И СТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТСКОГО ОРДЫНОВЕДЕНИЯ¹**

©2025 г. Ю.В. Селезнев

В статье предлагается обзор концептуальных установок ученого-энциклопедиста Ильи Николаевича Бороздина. Исследователь, будучи привлеченным к организаторской деятельности в годы становления и развития советской науки, обратил внимание и на различные проблемы истории Джучиева Улуса (Орды (Золотой Орды)). В частности, под его руководством в 1925-1926 гг. были проведены раскопки в Крыму на городище Солхат (Старый Крым). Данные раскопки являлись одними из крупных в СССР в эти годы. К сожалению, результаты раскопок оказались в своем большинстве ограниченно введенными в научный оборот, а материал разбросан по различным хранилищам и музейным собраниям, и их выявление и анализ вызывает затруднения. Тем не менее, именно результаты археологических исследований в Крыму стали основой концептуальной модели исследований Джучиева Улуса, предложенной И.Н. Бороздиным в ряде программных докладов и статей. Данные концептуальные установки получили ограниченное воплощение в последующей советской историографии в связи с арестом исследователя и его учеников. Однако они не потеряли своей актуальности и для современных исследователей Джучиева Улуса (Орды (Золотой Орды)).

Ключевые слова: археология, И.Н. Бороздин, Джучиев Улус (Золотая Орда), Солхат, Старый Крым, татарская культура, Монгольская империя.

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH BY ILYA NIKOLAEVICH
BOROZDIN IN THE CRIMEA AND THE FORMATION
OF SOVIET GOLDEN HORDE STUDIES²**

Yu. V. Seleznev

The paper features an overview of concepts advanced by the scientist and encyclopedist Ilya Nikolaevich Borozdin. The researcher, being involved in organisational activities in the years of formation and development of Soviet science, also paid attention to various problems of the history of the Ulus of Jochi (the Horde (Golden Horde)). In particular, excavations were carried out under his supervision in the Crimea at Solkhat settlement (Old Crimea) in 1925-1926. These excavations were among the most extensive ones in the USSR in these years. Unfortunately, the majority of excavation results were limitedly introduced into the scientific discourse, and the material is scattered across various depositaries and museum collections, and their identification and analysis are difficult. Nevertheless, it was the results of archaeological research in Crimea that laid the foundation of the conceptual model the the research of the Ulus of Jochi proposed by I.N. Borozdin in a series of keynote speeches and papers. These conceptual guidelines received limited implementation in the subsequent Soviet historiography due to the arrest of the researcher and his students. However, they have not lost their relevance for modern researchers of the Ulus of Jochi (the Horde (Golden Horde)).

Keywords: archaeology, I.N. Borozdin, the Ulus of Jochi (Golden Horde), Solkhat, Old Crimea, Tatar culture, Mongol Empire.

Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) – в развитие археологии, истории и востоковедения остается осмысленным не в полной мере. Между тем его работы продолжают

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

² The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00147, implemented at Voronezh State University, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

служить основой для последующих исследовательских работ.

Родился И.Н. Бороздин в г. Ярославле в дворянской семье.

После получения образования в Московском университете (в 1907 г. он окончил историко-филологический факультет), где он проходил обучение под руководством профессора П.Г. Виноградова, слушал лекции В.О. Ключевского (Жизнь и судьба..., 2000, с. 26, 28–29), И.Н. Бороздин начал продуктивную самостоятельную научную деятельность.

Революционные события октября 1917 г. поставили перед научной интеллигенцией вопрос о взаимодействии с властью большевиков, и И.Н. Бороздин начал сотрудничать с Советской властью, стал частью новых научных структур, задачей которых было интегрировать традиционные подходы в новых политических условиях. В рамках администрирования исследовательской деятельности он стал заметной фигурой в организации науки (Кузнецов, Селиванова, 2019, с. 173). В качестве заместителя председателя археологической комиссии и члена Всесоюзной научной ассоциации востоковедов Бороздин был активным популяризатором знаний о восточных культурах в Советском Союзе. Один из основателей и почетный член «Общества татароведения» при Академическом центре Наркомпроса (Академический центр Наркомпроса..., 2015), которое рассматривалась как платформа для изучения и сохранения татарского культурного наследия, что было особенно важно в условиях стремительных социальных и политических изменений. В 1925–1926 гг. руководил экспедицией по изучению татарской культуры в Крыму, которая проводила как этнографические, так и археологические исследования (снаряжена Крымским ЦИК и Крымским СНК совместно с Научной ассоциацией востоковедов (Всесоюзная научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР (ВНАВ)). Результаты экспедиции являются ярким примером по интеграции этнографических и археологических методов. Данные исследования не только способствовали углублению знания о татарской культуре, но и способствовали более широкому пониманию культурного разнообразия региона.

В 1930-е гг. был дважды (в 1935 и 1937 гг.) осужден по сфабрикованным обвинениям.

Рис. 1. И.Н. Бороздин.

Fig. 1. I.N. Borozdin

Реабилитирован по обоим делам в 1955 г. (Жизнь и судьба..., 2000, с. 108–121).

В 1949–59 гг. – заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Воронежского государственного университета. Значительная часть библиотеки И.Н. Бороздина передана в фундаментальную библиотеку ВГУ, где создан специальный фонд профессора (Исторический факультет..., 2015, с. 93–97).

Перед советской исторической наукой в 1920-е гг. была поставлена задача по изучению истории, культуры, этнографии, искусства, археологии Советского Востока. Кроме того, в стране развернулась волна просветительской деятельности (Жизнь и судьба..., 2000, с. 65). Для расширения исследовательских возможностей по инициативе В.И. Ленина была создана Всероссийская (Всесоюзная) ассоциация востоковедов. Исследование народов Востока происходило в социологическом аспекте, с широким привлечением сравнительно-исторических данных (Жизнь и судьба..., 2000, с. 61–62). Однако история Орды выпадала из поля зрения ученых в силу ограниченности источникового материала.

В обширном наследии И.Н. Бороздина выделяется ряд публикаций, касающихся истории Джучиева Улуса (Орды (Золотой Орды)) (Золотая Орда..., 2013).

Данные работы связаны в первую очередь с экспедиционной (археологической и этнографической) деятельностью Ильи Николаевича, но именно в них формируется концептуальный взгляд ученого на историю

джучидского государства и его роль в становлении этносов Евразии.

Ключевым первичным источниковым материалом для методологических и теоретических обобщений по истории Джучиева Улуса (Орды) для И.Н. Бороздина стали итоги экспедиции 1925–1926 гг. в Старом Крыму на городище Солхата, которые современниками определялись как одни из масштабных в Советском Союзе (Жизнь и судьба..., 2000, с. 72; Эрнст, 1931, с. 76).

Так, в отчетном обзоре исследователь отметил, что материалы раскопок «уже на первой стадии дали свежий материал в познание и понимание золотоордынской культуры эпохи ее расцвета» (Бороздин, 1926, с. 300–301).

Кроме того, И.Н. Бороздин отмечает, что на территории раскопок наряду с местной керамикой были обнаружены и импортные изделия (Бороздин, 1926, с. 290–292; Сейдалиев, Сейдалиева, 2021, с. 284). Анализ выявленного материала позволил исследователю сделать важнейший вывод о взаимодействии (переплетении, взаимодополнении) культур в эпоху Средневековья (Бороздин, 1931, с. 7; Ломакин, 2015, с. 511–512). На примере Крымского полуострова было показано, что такое взаимодействие между различными этническими группами значительно обогащало культурные традиции и обычаи всех участников. И.Н. Бороздин провозглашал отказ от «экзотического» подхода к изучению истории Востока, отказ от изоляции его истории от истории западных стран (Ломакин, 2015, с. 511–512). Отмечал, что в местных «крымских условиях складывался своеобразный культурный облик» (Бороздин, 1926а, с. 35). Ученый указывал на необходимость формирования новых методологических подходов: «исследование должно вестись не по старому проторенному пути, а руководствоваться новыми общими началами, т. к. здесь во многом придется поднимать целину» (Ломакин, 2015, с. 511–512).

Таким образом, ученый акцентирует внимание на синтезе различных культур, когда элементы разнообразных традиций перерабатываются и адаптируются в новых условиях. И.Н. Бороздин подчеркивал, что взаимодействие культур в Средние века приводило к формированию уникальных социокультурных образований, которые не могут быть адекватно осмыслены, если рассматривать их в отрыве

от более широких геополитических и исторических процессов.

При этом исследователь следовал установкам Б.В. Фармаковского, археолога-античника, который призывал не ограничиваться формально-эстетическим анализом памятников, но исследовать материальную культуру народов в широком культурно-историческом контексте (Жизнь и судьба..., 2000, с. 73). Таким образом, применительно к татарским древностям Солхата И.Н. Бороздин предложил их рассмотрение в контексте ордынского имперского пространства, причем в обширном международном окружении Ближнего и Дальнего Востока в условиях широкого межконфессионального взаимодействия.

В фонде И.Н. Бороздина в Архиве Российской Академии наук сохранилось описание нумизматического материала из Солхата (раскопки августа 1925 г.), который, при учете наличия собственного монетного двора в Старом Крыму, также планировалось вводить в широкий контекст ордынской истории. Однако данные сведения можно рассматривать только в рамках первичного материала – никаких обобщений информации монет не сохранилось. В планы ученого входило подробное научное описание результатов раскопок с последующей публикацией отдельного издания «Древности Солхата» (Гончаров, Зайцев, 2016, с. 113), однако арест и ссылка прервали научные изыскания И.Н. Бороздина.

Тем не менее необходимо отметить, что И.Н. Бороздин предлагал применять к исследованиям татарских древностей «новые общие начала», подразумевающие включение конкретных археологических памятников в широкий культурно-исторический контекст.

Дальнейшие обобщения методологических основ применительно к ордынской проблематике нашли отражение в выступлении И.Н. Бороздина на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку (26 февраля – 5 марта 1926 г.), где был предложен доклад «Новейшие открытия в области изучения татарской культуры». Выступление представляло собой, с одной стороны, подведение итогов и обобщение в первую очередь археологических изысканий. В то же время это была программная речь, в которой И.Н. Бороздин формулировал концептуальные подходы для исследования истории Джучиева Улуса и поставил

перед советским востоковедением задачи по реализации предложенных подходов.

Так, Илья Николаевич впервые в советской науке провозгласил: «Мощная монгольская волна, хлынувшая из дебрей Азии в Европу 700 с лишним лет тому назад, создала большую восточную культуру в пределах теперешнего Союза ССР – культуру татар» (Бороздин, Новейшие открытия, 1926, с. 34). Таким образом, он связал военно-политические процессы в кочевой степи со становлением развитой культуры Орды и определил её этническую принадлежность как татарскую. К примеру, в ставшем классическим и образцовым советском труде И.Б. Грекова и А.Ю. Якубовского, которые использовали труды И.Н. Бороздина, было отмечено: «Мы не раз отмечали, что широко распространенное представление о монголах (татарах) как о варварах, стоящих на чрезвычайно низком уровне цивилизации, не соответствует действительности» (Греков, Якубовский, 1941, с. 108; 1950, с. 160–161). При этом в издании 1950 г. они отмечают: «Можно ли говорить о культуре Золотой Орды, как мы это обычно понимаем? Говоря о культуре, мы предполагаем и носителя культуры, т. е. создавший её народ. В Золотой Орде не было единого народа» (Греков, Якубовский, 1950, с. 160). Авторы отказывают золотоордынской культуре в этнической принадлежности, отвергая и единую «имперскую» культуру. Тем не менее тезис И.Н. Бороздина применительно к татарской культуре ордынского периода о том, что о «какой-либо примитивности и дикости, во всяком случае, говорить не приходится» (Бороздин, 1926а, с. 34), не просто сохраняется, но подчеркивается и развивается.

Сам Илья Николаевич подчеркивает, что к моменту оглашения доклада, «...к сожалению, изображение татар и созданной ими культуры в большинстве своем односторонне и трафаретно. Дикость и некультурность татар-завоевателей проводится красной чертой; лишь изредка встречаются немногие случайные оговорки» (Бороздин, 1926а, с. 35). Автор призывает к более широкому и взвешенному взгляду на историю Джучиева Улуса, что для марксистской историографии того времени было нехарактерно.

В ряду нового для того времени взгляда стоит и замечание Н.И. Бороздина о том, что «монгольское завоевание не было только одним голым разрушением, когда, якобы, «все

и вся» было разрушено огнем и мечем. Эту точку зрения давно уже пора сдать в архив...» (Бороздин, 1926а, с. 34).

Полемизируя с односторонним взглядом на монгольское/ордынское время, Н.И. Бороздин критикует «Кембриджскую Средневековую Историю», и в частности Пейкснера (со ссылкой на В.В. Бартольда), отмечая, «что на всем протяжении от Китая до России мы и в послемонгольскую эпоху видим больше политической устойчивости, чем до монгольского завоевания» (Бороздин, 1926а, с. 34). Таким образом, Н.И. Бороздин выделил формирование в ходе и после монгольского завоевания политического и социального единства, которое в современных исследованиях нередко называют средневековым или монгольским «глобализмом» (Селезнев, 2022, с. 211–229).

Данное единое политическое пространство способствовало формированию культурного целого («...Все это перерабатывалось и оформлялось на местной почве, создавая свое культурное целое»), что позволяет выделять и «определенно говорить о культуре и об искусстве Золотой Орды» (Бороздин, 1926а, с. 35). Причем эта интегрированная имперская культура «принесла с собой из глубокой Азии несомненные следы дальневосточных (китайских) влияний» (Бороздин, 1926а, с. 35). В данных формулировках мы можем проследить идеи единого культурно-исторического пространства, которые сформировались в евразийскую концепцию у историков эмигрантов. Причем Г.В. Вернадский – историк-евразиец – был знаком с работами И.Н. Бороздина (Вернадский, 1997, с. 449).

Однако, формулируя тезисы, точнее программу научного познания истории и культуры Джучиева Улуса, И.Н. Бороздин отмечал: «И вот, подводя итоги тому, что сделано в области изучения татарской культуры, приходится сказать, что сделано очень немного, и требуется большая дальнейшая исследовательская работа» (Бороздин, 1926а, с. 34).

При этом И.Н. Бороздин, делая обзор археологических раскопок в столице Золотой Орды – Сарае, подчеркивает, что после «Октябрьской революции 1917 г. в стране пробуждается большой интерес к национальной истории народов России. Многие историки, археологи посвящают себя изучению золотоордынской культуры, являющейся неотъемлемой и весомой частью истории целого ряда народов, в

первую очередь тюркских: казахов, ногайцев, татар, башкир, узбеков и др.» (Бороздин, 1927, с. 59–61; Рудаков, 2000, с. 180–191).

Надо отметить, что ещё в 1923 г. на съезде Казанского отдела народного образования И.Н. Бороздин сформулировал программные задачи исследования культуры для татар Поволжья. Исследователь отметил необходимость учета всех памятников татарской старины, составления археологической карты региона, изыскания и изучения письменных источников и фольклорных произведений, этнографических памятников (*Жизнь и судьба...*, с. 75).

Продолжением формулировки методологических принципов исследования наследия Джучиева улуса является статья И.Н. Бороздина «Некоторые очередные задачи изучения татарской культуры в Крыму» (Бороздин, 1927а, с. 108–112), которая расценивается в исследовательской литературе как программная в отношении этнографических исследований в Тавриде (Севастьянов, 2008, с. 127–128).

В данной работе И.Н. Бороздин фокусируется на важности комплексного подхода к исследованию татарской культуры на Крымском полуострове. Он подчеркивает, что для достижения этой цели исследовательская программа должна включать несколько ключевых аспектов. В первую очередь археологические изыскания: необходимость проведения раскопок и изучения материальных остатков, которые могут помочь восстановить историческую картину жизни татар и их культурного наследия. Это включает в себя идентификацию и анализ археологических находок, связанных с татарской культурой. Этнографические исследования: изучение обычаев, традиций, языка и образа жизни татар. И.Н. Бороздин подчеркивал, что этнографические исследования могут выявить уникальные особенности татарской культуры и способствовать ее сохранению и популяризации. Охрана памятников: исследователь акцентировал внимание на необходимости охраны исторических и культурных памятников, которые представляют собой значимую часть наследия татар. Это включает в себя не только физическое сохранение объектов, но и создание условий для их изучения и популяризации. Документирование и публикация результатов исследований: И.Н. Бороздин подчеркивал важность обнародования результатов исследований, публикации статей и

монографий о татарской культуре и истории, чтобы сделать информацию доступной для широкой аудитории и научного сообщества (Бороздин, 1927а, с. 109–112).

При этом И.Н. Бороздин помещает историю и культуру крымских татар в более широкий контекст наследия тюркских народов вообще и Золотой Орды в частности, связывая её с историей других тюркских народов и общего наследия Джучиева Улуса. Он повторяет неуместность следования мифу о «варварстве» татар. Отмечает необходимость проследить линию эволюции форм жизни татар во всех ее проявлениях (Бороздин, 1927а, с. 108–109).

В содержании статьи мы наблюдаем, что общая теоретическая декларация докладов на съезде Казанского отдела народного образования и на Тюркологическом съезде получает дальнейшую конкретизацию для практического применения, причем с формулированием задач для исследований этнографического плана.

Таким образом, И.Н. Бороздин в программной речи на I Всесоюзном съезде тюркологов сформулировал следующие положения:

- 1) назрела необходимость отступления от однобокости и трафаретности исследования истории Орды;

- 2) призывал к глубокому научному исследованию ордынской культуры, которую обозначил как татарскую;

- 3) сформулировал наличие единого политического пространства от Восточной Европы (Руси) до Дальнего Востока (Китай);

- 4) декларировал наличие единой имперской культуры Орды с наличием китайского влияния на культуру Джучиева Улуса и подвластных территорий.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство указанных принципов и доктрин нашло свою реализацию только во второй половине XX в. или же на рубеже XX и XXI столетий. С большой долей вероятности можно предполагать, что сдержанное развитие предложенных И.Н. Бороздиным концепций исследования истории Джучиева Улуса в советской науке было связано с арестом исследователя и его учеников и осуждения его по обвинению в пантюркизме и в том, что он «занимался пропагандой контрреволюционных националистических идей и являлся активным защитником расовой теории,

принимал участие в контрреволюционной группе работников гуманистических наук» (Жизнь и судьба..., 2000, с. 108, 112). Выделение среди тюркских народов особой роли в истории Орды татар и высокой татарской культуры являлось опасным политическим раздражителем для следователей НКВД.

И.Н. Бороздин представляет собой пример ученого-энциклопедиста, который сумел определить методологические принципы для исследований широкого круга проблем в различных хронологических и географических рамках. Его практическая деятельность в ходе археологических изысканий в Крыму

и организационных задач в рамках функционирования Всесоюзной научной ассоциации востоковедов и «Общества татароведения» привлекла его внимание и к проблемам истории Джучиева Улуса (Орды). Для реализации задач широкого и глубокого круга исследований И.Н. Бороздин сформулировал методологические и практические принципы для исторических, археологических и этнографических изысканий, которые представляют собой актуальную программу и для сегодняшнего ордынovedения, для нынешнего поколения ученых, занимающихся историей Джучиева Улуса (Орды).

ЛИТЕРАТУРА

Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы / сост. О.Л. Улемнова, Л.Ш. Давлетшина. Казань: ИЯЛИ, 2015. 224 с.

Бороздин И.Н. Солхат (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымсика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР в 1925 г.) // Историко-этнологический отдел. 1926. № 13–14. С. 271–301.

Бороздин И.Н. Новейшие открытия в области татарской культуры // Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 25 февраля – 5 марта 1926 г.: стенографический отчет. Баку, 1926а. С. 33–38.

Бороздин И.Н. Столица Золотой Орды // Тридцать дней. 1927. № 1. С. 59–61.

Бороздин И.Н. Некоторые очередные задачи изучения татарской культуры в Крыму // Крым. 1927а. № 2 (4). С. 108–112.

Бороздин И.Н. Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока // Художественная культура Советского Востока / Под ред. И. Н. Бороздина. М.; Л.: ACADEMIA, 1931. С. 3–18.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М.: ЛЕАН; АГРАФ, 1997. 480 с.

Гончаров Е.Ю., Зайцев И.В. Крымские нумизматические материалы в архиве И.Н. Бороздина // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 5. С. 112–119.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л.: ОГИЗ, ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941. 208 с.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: АН СССР, 1950. 479 с.

Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина / Ред. П.А. Бороздина и др. Воронеж: ВГУ, 2000. 408 с.

Золотая Орда: библиографический указатель / автор-сост. И.М. Миргалеев; отв. ред. Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 412 с.

Исторический факультет Воронежского государственного университета: биографический справочник сотрудников 1940–2015 / ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж: ВГУ, 2015. 370 с.

Кузнецов А.А., Селиванова О.В. "Вы были и остаетесь неутомимым работником нашей советской науки" (комментарии к переписке историков С.И. Архангельского и И.Н. Бороздина) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 2–3. С. 170–187.

Ломакин Д.А. Источники по истории изучения комплекса золотоордынских памятников г. Старый Крым (последняя четверть XVIII – начало XXI вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2015. Вып. XX. С. 509–566.

Рудаков В.Г. История изучения Селитренного городища // РА. 2000. № 2. С. 180–191.

Севастьянов А.В. Вопрос изучения средневековой истории Крыма в научном наследии общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: История. 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 124–132.

Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Глазурованная керамика золотоордынского периода в фондах центрального музея Тавриды: попытка атрибуции одной коллекции // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2021. № 26. С. 282–307.

Селезнев Ю.В. Дискурс «глобализации» в отношении истории Монгольской империи и Золотой Орды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 2. С. 211–229.

Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1931. Т. IV. С. 72–92.

Информация об авторе:

Селезнев Юрий Васильевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия); orda1359@mail.ru

REFERENCES

Ulemnova, O. L., Davletshina, L. Sh. (comp.). 2015. *Akademicheskii tsentr Narkomprosa TASSR: dokumenty i materialy (Academic Center of the People's Commissariat of Education of the TASSR: documents and materials)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Borozdin, I. N. 1926. In *Istoriko-etnologicheskii otdel (Historical and Ethnological Department)* (13–14), 271–301 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1926. In *Pervyy Vsesoyuznyy tyurkologicheskii s"yezd, 25 fevralya – 5 marta 1926 g.: stenograficheskii otchet (First All-Union Turkic Congress, February 25 - March 5, 1926: verbatim report)*. Baku, 33–38 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1927. In *Tridtsat' dney (Thirty days)* (1), 59–61 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1927. In *Krym (Crimea)* 4 (2), 108–112 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1931. In Borozdin, I. N. (ed.). *Khudozhestvennaya kul'tura Sovetskogo Vostoka (Artistic culture of the Soviet East)*. Moscow; Leningrad: "ACADEMIA" Publ., 3–18 (in Russian).

Vernadskiy, G. V. 1997. *Mongoly i Rus' (Mongols and Rus)*. Tver: "LEAN" Publ.; Moscow: "AGRAF" Publ. (in Russian).

Goncharov, E. Yu., Zaitsev, I. V. 2016. In *Vostok (Oriens)* (5), 112–119 (in Russian).

Grekov, B. D., Yakubovsky, A. Yu. 1941. *Zolotaya Orda (Ocherk istoriy Ulusa Dzhuchi v period slozheniya i rastsveda v XIII-XIV vv.) (The Golden Horde (Essay on the history of the Ulus of Jochi in the formation and prosperity period in the 13th-14th centuries))*. Leningrad: OGIZ, GOSPOLITIZDAT Publ. (in Russian)

Grekov, B. D., Yakubovsky, A. Yu. 1950. *Yu Zolotaya Orda i ee padenie (The Golden Horde and its fall)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Borozdin, P. A. Et al. (eds.). 2000. *Zhizn' i sud'ba I.N. Borozdina (Life and fate of Professor Ilya Nikolaevich Borozdin)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Mirgaleev, I. M. (comp.), Sayfetdinova, E. G. (eds.). 2013. *Zolotaia Orda: bibliograficheskii ukazatel' (Golden Horde: Bibliographic Index)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Akin'shin, A. N. (ed.). 2015. *Istoricheskii fakul'tet Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta: biograficheskii spravochnik sotrudnikov 1940-2015. (Faculty of History of Voronezh State University: biographical directory of employees for 1940-2015)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Kuznetsov, A. A., Selivanova, O. V. 2019. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 161 (2–3), 170–187 (in Russian).

Lomakin D. A. 2015. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XX, 509–566 (in Russian).

Rudakov, V. G. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 180–191. (in Russian).

Sevast'yanov A.V. 2008. In *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoriya (Scientific Bulletin of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky. Series: History)*. T. 21 (60), no 1, 124–132. (in Russian).

Seidaliyev, E. I., Seidaliyeva, D. E. 2021. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (26). 282–307 (in Russian).

Seleznnev, Yu. V. 2022. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika Seriya (Vestnik of Saint Petersburg University. Oriental and African Studies Series)* 14 (2), 211–229 (in Russian).

Ernst N. L. 1931. In *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* IV, 72–92 (in Russian).

About the Author:

Seleznnev Yuri V. Doctor of Historical Sciences, Voronezh State University (Voronezh, Russia); orda1359@mail.ru

Статья поступила в журнал 22.01.2025 г.
Статья принята к публикации 03.03.2025 г.